

ЮРИЙ КРАСАВИН

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ПРАЗДНИКОВ

ПОВЕСТЬ

Молодой мужчина, его жена и их маленькая дочка хлопотали у подъезда жилого дома, собираясь в путь, явно неблизкий: выносили чемоданы, сумки, коробки, свёртки — всё это укладывалось в багажник и внутрь автомашины, расставлялось там и утискивалось.

— Не мешай, — сердито говорила мать дочери, которая бегала и прыгала вокруг.

Но девочку было не унять.

— А наши цветочки на подоконнике не засохнут? — приставала она к матери. — А рыбки не умрут?

— Ничего им не сделается, — утешал её отец.

— Может, отнести их Светке?

— Да не нужны Светке ни твои цветочки, ни рыбки! — с досадой отмахнулся он.

А на детской площадке рядом с качелями давно уже расположился парень в помятой кепочке-бейсболке и сильно потёртых джинсах. Он со жгучим чувством зависти и даже ярости смотрел на эту счастливую семью.

— Валентин Аркадьич, куда это вы собираетесь? — окликнула из лоджии четвёртого этажа кокетливая молодая особа в ярком, цветастом халате.

— К тёплому морю, Рита! — бодро отвечал он. — К тёплому морю!

— И надолго?

КРАСАВИН Юрий Васильевич родился в 1938 году в с. Мелковичи Солецкого района Новгородской области. С августа 1941-го по август 1944-го — малолетний узник немецко-фашистских лагерей. Окончил Калязинский машиностроительный техникум (1959) и Литературный институт им. М. Горького (1969). Член Союза писателей СССР с 1972 года. Автор многих книг прозы. Лауреат премии им. Н. Островского за роман "Мастера" (1984). Живёт в г. Конаково Тверской области.

— На весь отпуск, до сентября.
— Вы по путёвкам?
— Нет. У нас друзья в Гурзуфе и родня в Феодосии. В гости давно зовут...
— Слышь, Витя, — сказала Рита в глубь своей квартиры. — Князевы на юг уезжают.

— Попутного им ветра, — отозвался невидимый с улицы Витя густым басом.

“Вишь, величают по имени-отчеству, — думалось парню, наблюдавшему за хлопотами. — Почему? Ведь мы с ним, пожалуй, ровесники. Но вот я всегда и для всех Толик, а он — Валентин Аркадьевич. Я Востриков, а у него и фамилия солидная — Князев. И жена, вишь, какая пышечка, словно одной сметанкой кормлена...”

Вчера поздним вечером контролёры высадили его в этом городке с электрички. Был он безбилетником, а ехал, сам не зная куда. Ночь провёл на вокзале, спал на голом скользком диване, его то и дело беспокоили проходившие мимо люди, он продрог на сквозняке от постоянно открывавшихся и гулко хлопавших дверей. Вчерашний день проболтался в другом незнакомом ему городе... и предыдущую ночь тоже ночевал на вокзале...

“Носит меня ветром, как сухой листок... Это что же, так и буду болтаться всю жизнь? Без определённого места жительства... бомж”.

Из разговора старших Князевых он понял, что квартира их на шестом этаже под номером пятьдесят девять, двухкомнатная, с лоджией... а вот автомашина не самой лучшей марки, однако новенькая, должно быть, недавно куплена... и одеты-обуты они, как полагается людям состоятельным.

— Холодильник отключил? — озабоченно спросила жена мужа.

— Да пусть работает! — отозвался он. — А то отсыреет, заплесневеет за месяц-то.

— Газ перекрыл?

— Да ладно тебе! Всё я отключил и перекрыл. Ты думай, как вещи лучше разместить. Что-то у нас их многовато.

Она порылась в сумочке, сказала озабоченно:

— Ключ от квартиры не потерять бы. Или украдут вместе с сумкой. Вернёмся — придётся дверь выламывать, как в прошлый раз.

— Давай вот что... — тихо сказал ей муж. — Один ключ с собой возьмём, другой спрячем прямо здесь, а?

— Дайте мне! — подскочила к ним дочка. — Я знаю куда! Всегда там прятала, когда гуляла.

Она нырнула под куст жасмина возле подъезда, выбралась оттуда, отряхивая ладошки.

— Потом не найдёшь, — предостерег её отец.

— Не-а! Я воткнула в землю и камешком приложила, плиточкой такой. Туда только кошки лезят, а больше никто.

— Ладно... Ну, что, поехали? Садитесь!

Они уселись, машина попятилась, отъезжая. Из окошка с заднего сиденья высунулась детская ручка, помахала неведомо кому.

Толик Востриков, сразу потеряв интерес к происходящему, встал с детской скамеечки и отправился куда глаза глядят.

Он долго бродил по городку. Побывал на рынке, постоял возле пристани, откуда отчалил и ушёл небольшой теплоход, посидел в сквере. И где бы он ни был, всюду ловил себя на том, что внимательно смотрит себе под ноги и по сторонам — надеялся, что кто-то обронил... хотя бы рублёвую монетку. Однажды ведь нашёл возле мусорной урны сторублёвую бумажку, её прибило ветром, но это случилось ещё на прошлой неделе, второй раз вряд ли так повезёт.

“Пивка бы”, — уныло подумал он и вздохнул.

Мимо него какой-то бедолага тащил ржавые железяки в приёмный пункт — наверное, этому счастливцу хватит на бутылку пива.

За всё время, пока бродил, его не оставляла картина: благополучное семейство отправляется на собственной автомашине к тёплому морю... Будут

лежать на пляже, нежиться в тёплой морской водичке, гулять по людной набережной, сидеть вечерами в кафе или даже в ресторане. Целый месяц блаженной жизни! И, небось, не в первый раз они так-то.

“Одному везёт — почему? за что? за какие заслуги? А другому — ну нисколечко... Чем я провинился перед Богом и людьми? За что такое невезение?”.

Размышляя таким образом, Толик Востриков вернулся к дому, возле которого сидел поутру, вернулся просто так, без всякой цели — ноги сами привели. На детской площадке повизгивала ребятня. Неподдалёку женщина охлопывала цветастый ковёр — звук этот эхом отдавался от стены дома. У знакомого подъезда Толик постоял, огляделся: на него никто не обращал внимания. Заглянул под жасминный куст и увидел там камень-плиточку. Копнул — достал ключ.

Далее он действовал, почти не размышляя. Лифт поднял его на шестой этаж. Тут было тихо. Где-то внизу разговаривали две женщины, чему-то смеялись. Дверь в пятьдесят девятую квартиру была обыкновенная, как у всех. Сунул ключ в замочную скважину, повернул — дверь послушно отворилась. Вошёл, осторожно притворив её за собой. Как это легко оказалось — войти в чужое жильё, когда там никого нет! Постоял, со смущением и даже в растерянности ожидая: вдруг кто-нибудь выйдет из комнат: “Ты кто такой? Что тебе здесь надо?”... Сердце тревожно стучало.

Но никто не вышел, полная тишина царила вокруг. Хозяева небось уже Москву миновали по объездной дороге и катят теперь по широкому шоссе в потоке машин на юг — к морю, к морю! Но квартира хранила хозяйское присутствие.

В прихожей ему, пришедшему сюда с улицы, где был сияющий день, показалось сумрачно. Щёлкнул выключателем — при ярком свете стало видно, как тут чистоенько и пусто. На вешалке одиноко висела куртка-дождевик.

“Надо примерить, — решил было *гость*, но передумал. — Не теперь, потом...”.

Он потоптался, посмотрел на свои рваные и грязные кроссовки, выглядывавшие из-под истрёпанных штанин, запачканных неведомо чем. Кричащее несоответствие его одежды с чистотой прихожей смутило его, и он машинально разулся. Однако легче не стало: теперь на чистом полу топтались его босые ноги — из рваных носков выглядывали пальцы в траурной кайме грязи под ногтями.

Перевёл взгляд повыше и увидел на стене живописный прошлогодний календарь: сосновый бор, зеркальное лоно лесного озера, на фоне высокого чистого неба — кудрявые верхушки сосен; это было словно окно в другой мир — того и гляди послышится пенье птиц.

Справа и слева — золотые занавески с орнаментом из диковинных растений, похожих на гибкие водоросли. Правая неплотно прикрывала остеклённую дверь в комнату, левая — свободный проём. Толик нерешительно ступил налево, отвёл занавеску рукой. Перед ним были две двери, на каждой из которых он разглядел по маленькому шаловливому рисунку: малыш под дождичком и ещё один малыш — на горшке. Ясное дело — ванная комната и туалет.

Рядом вдруг заворчал холодильник — Толик вздрогнул.

— Чего рычишь? — тихо спросил он. — Я тебя тронул? Не тронул. Ну, и не рычи.

Не до холодильника ему было пока: грязные ноги смущали его, и он отворил дверь с нарисованным дождичком.

“Ну, плитку-то могли бы положить поровнее”, — оценил Толик, окидывая взглядом стены.

В чём, в чём, а в этом он знал толк: давно ли сам украшал кафелем такую же ванную.

Разделся, встал под душ — вот оно, блаженство! Плескался долго: куда спешить, раз уж выпал счастливый случай. Потом завернулся в большое махровое полотенце и вышел из ванной, ощущая, как ликует всё его тело, истомлённое за минувшие скитальческие дни пропотелым бельём и стоптанной

обувью. Чувство лёгкости душевной и телесной овладело им. Пусть хозяева квартиры блаженствуют на море, а он, Толик Востриков, поживёт тут!

Комната, в которую он вошел, оказалась детской: в углу — куклы, зайцы, мишки белые и бурые, большие и маленькие; на подоконнике — книжки с картинками, в углу у окна — большой аквариум. Толик постучал по боковому стеклу пальцем — рыбки тотчас с любопытством уставились на него: мол, кто ты такой, мы тебя прежде не видели. Была тут пара “мраморных” — медлительных, прямо-таки величавых... чёрная рыбка-“монашка” — она держалась одиноко в стороне... два сомика хлопотливо рылись на самом дне в песочке среди мелких камушков, над ними барбусы гонялись друг за другом среди водорослей...

Немного озадачило то, что одна стена детской от пола до потолка была заклеена цветными картинками, вырезанными из газет и журналов, они лепились одна к другой тесно, без просветов: рощицы, лужочки, цветочки, зверюшки... Ясно, что таким художеством занималась не только маленькая девочка — где ж ей достать до самого потолка! — а и кто-то из взрослых, небось, оба родителя.

Но некогда было ему рассматривать эту пестроту. Толик движим был уже проснувшимся азартом: а что ещё есть в этой квартире? Прошёл в другую комнату, более просторную. Тут на полу лежал ковёр с геометрическим рисунком... ещё один ковёр висел на стене над широкой кроватью, яркий, с преобладанием красного цвета... диван у стены, а напротив — телевизор с широким экраном... письменный стол... шкаф платяной и шкаф посудный.

“Вишь ты, на столе-то — ноутбук! — отметил Толик. — За него можно выручить неплохую денежку”.

Новый хозяин квартиры добыл себе из платяного шкафа домашнюю одежду, обрядился: оказалось, он с этим самым Валентином Аркадьевичем почти одного роста.

Включил телевизор и тотчас испуганно убавил звук: как бы не услышали соседи. Двое дикторов с телеэкрана попеременно рассказывали ему о том, что в арабских странах Северной Африки совершаются “цветные” революции, что где-то в море возле Малайзии затонул паром с людьми... а в Калифорнии горят леса...

“Ну, это их проблемы, — решил Толик и выключил телевизор. — У меня своих достаточно”.

Некоторое время он стоял посреди комнаты, осматриваясь. Вон посудный шкаф, но ничего особенно примечательного в нём не было, так себе: дешёвенький чайный сервиз на шесть персон, бокалы из простого стекла, высокие гранёные стаканы, может быть, даже хрустальные... там же и электрический самоварчик ещё советского производства, но вряд ли хозяева им пользовались.

На стене, где не было ковра, разместились *картины*: календари прошлых лет, вроде того, что в прихожей; на них был лес такой и сякой, речка, залив озёрный — всё этакое спокойное, умиротворяющее. Там же висела и фарфоровая настенная тарелка, и на ней была изображена мирная картинка: дворик, заросший травой, дощатые сарайчики, колоколенка церкви на заднем плане, дети, играющие на лужайке, не нынешние дети, а дети из далекого прошлого. Чуть повыше — вырезка из какого-то журнала: в старенькой баньке, вернее, в предбаннике без крыши обнажённая молодая женщина с распущенными по спине волнистыми волосами повязывала шаль на голову девочки лет пяти, сидя перед нею на корточках. Снежок на них падал лёгкими пушинками. Надпись под картиной: “А. Пластов. “Весна””.

— Была б у меня такая жена, — мечтательно сказал Толик сам себе, — да домик с банькой на берегу реки... Что ещё нужно человеку для полного счастья!

И снова он почувствовал странное присутствие хозяев. Оно исходило и от детских игрушек в маленькой комнате, и от посуды в шкафу, а главное — от этих картинок, развешанных по стенам. Понятно, что на той, с названием “Весна”, была изображена не жена Князева и не их дочь, однако... как они похожи!

Посидев на диване, Толик встал и отправился проверить, нет ли чего в холодильнике: он был голоден. Тут он удовлетворённо сказал вслух:

— Ого! Есть чем поживиться!

В холодильнике стояли банки с консервами — с рыбой, со свиной и говяжьей тушёнкой, с курятиной... пластиковая коробка с надписью “Топлёное коровье масло”... и даже упаковка яиц: не успели съесть их хозяйка, так не с собой же брать!

— Балыков нету, — отметил Толик весело. — И чёрной да красной икры... забыли оставить для меня, почётного гостя.

С банкой свиной тушёнки отправился он на кухню, озабоченно хмурясь: — Хлеба надо...

На его счастье, в деревянной расписной хлебнице нашлась горбушка. Вскрыв банку и принялся торопливо есть, словно боялся, что отнимут. Выскреб остатки, удовлетворённо похлопал себя по животу. Он чувствовал себя таким Робинзоном, выброшенным на необитаемый остров. Терпел бедствие, чуть не погиб в бурном житейском море и вдруг оказался на спасительной территории, богатой всяческими благами. Открыл дверцу высокого, под самый потолок шкафа — там оказались упаковки с вермишелью, макаронами...

— Э, балда! — укорил себя Толик. — Надо было сварить их да с тушёнкой... по-флотски.

Ещё в шкафу хранился немалый запас круп — гречневая, пшёнка, рис... две бутылки с маслом подсолнечным и оливковым... сушёные фрукты...

Вернулся в комнату, которую уже стал именовать своим кабинетом, постоял тут, оглядываясь, и только теперь заметил в углу, на полке с книгами, две иконы.

“А что, хозяйка верующие? — не то чтобы удивился или озадачился, но отметил для себя Толик нечто необычное для городской квартиры. — Не хватает только лампадки”.

На одной из икон изображены были в полный рост восемь человек, у каждого золотой нимб вокруг головы, а лица — словно живые, у некоторых даже румянец на щеках, в глазах — чистая синева, а одежды яркие, отчётливо видна каждая складка — как на цветной фотографии!

Он снял эту икону с полки, стал рассматривать.

Впереди стоял красивый старец, именно красивый, — румяное лицо в обрамлении белых волнистых волос, аккуратно подстриженная борода, лоб высокий, чистый, без морщин. Если б не благородная седина — крепкий мужчина, совсем не старик. Он держал в руках толстую книгу в богатом, должно быть, серебряном окладе, а облачён был в свободно ниспадающие одежды пурпурного и зелёного цвета, на груди — золотой крест, по сторонам головы сверху вниз начертано славянской вязью “Св. Николай... Чудотворец”.

За левым плечом его поместился другой старец с лицом аскетическим, с длинной бородой.

“Постами себя истомил, бедолага. Ишь, какой худой!” — посочувствовал святому Толик.

Старец этот был, однако, грозен, в правой руке держал крест, словно обороняясь от смотревшего на него живого человека.

Над головой этого старца написано: “Св. Пр. Черн. кн. Николай”. То есть это Святой Преподобный Черниговский князь Николай. В левой руке он тоже держал книгу, раскрытую.

“Советует мне книжки читать”, — решил Толик.

Рядом с черниговским князем, ставшим суровым монахом, чуть выступая вперёд, поместился ещё один старец с лицом тоже исхудавшим, седобородый, обозначенный как “Святой Преподобный Сергей Радонежский”. В левой руке он держал длинный свиток, на котором Толик смог прочесть только два слова — “Господь” и “Вседержитель”.

Между прочим, благословляли эти милостивцы его, квартирного вора, двуперстием, а не троеперстием.

“Староверы”, — решил Толик.

Под их взорами он почувствовал себя неловко: они явно принимали его за достойного человека, а разве он таков? Они явно ошиблись. Ведь сразу же стал примеряться:

“А сколько запрашивать за эту икону, если продать? Как-никак жи-вопись...”

Рядом со старцами поместились женщины. Впрочем, нет, одно лицо воспринималось как женское, но это оказался юноша — Святой Пантелеймон; он почему-то держал в руках кисточку и раскрытый ящичек — должно быть, с красками.

“Наверное, художник, иконописец...”

А над женскими головами было обозначено: “Святая Царица Александра”, “Святая Преподобная Мария Египетская”, “Святая Мученица Любовь” и “Святая Мученица Калерия”.

Юный лик царицы Александры более других очаровал Толика; она была с диадемой в волосах, золотые гирлянды спускались по сторонам её лица.

Полобовавшись, он бережно поставил икону на прежнее место. Вторая его не заинтересовала.

Его ждала очередная радость, которая воодушевила его гораздо сильнее: в посудном шкафу открылась сияющая ниша, а в ней — необычные, нарядные бутылки; они отражались во внутреннем зеркале, оттого их казалось много. Толик доставал их поочерёдно, одну за другой, садился на диван и читал написанное на этикетках.

Пузатенькая, на манер круглого графинчика с высоким горлышком; на ней написано по-инострannому, не читаешь, а по-русски обозначено: “Коньяк Курвуазье ВС”. Кто такой этот Курвуазье или что это такое — по-ди разберись.

— Жаль, маловата, — посетовал Толик, любуясь “графинчиком”. — Всего триста пятьдесят граммов — на два стакана не хватит. Можно управиться за один присест.

Четырёхгранная бутылка с шотландским виски, названным “купажным”, — слово благородное, прямо-таки аристократическое. Но что оно обозначает?

Джин в плоской фляжке карманного размера, на ней с одной стороны — силуэт моста и замка, с другой — некто в красном кафтане и в шляпе, с острой пикой в руке...

Ещё одну бутылку приласкал он в ладонях, на её этикетке — пиратского вида человек, названный капитаном Морганом, поставил ногу на боченок... уж точно не на пустой, а, надо полагать, с ромом! Правая рука — на эфесе сабли, а ещё две сабли валялись у него в ногах — небось, тех, кого он ограбил и сбросил в море. Вдали маячил корабль под парусами. Лихие времена!

Высокая бутылка с названием “Красный Кардинал”, к сожалению, была пуста; на этикетке — человек в мантии и в красной камиллавочке на макушке любовался вином в бокале, держа его в руке. Солнечный свет высвечивал благородный напиток, играя в нём.

— А вот и ты, родимая!

Толик извлёк фигурную бутылку с прозрачной жидкостью и с рельефным обозначением по стеклу “Императорская коллекция”. Тут сомнений не было: водка.

— Уж точно не поддельная, раз в такой посудине!

Бутылка была красиво запечатана, на колпачке — охранительный двуглавый орёл.

— Эту потом возьму с собой, — решил Толик. — А нет ли чего попроще?

Нашлась и попроще: в углу скромно стояла высокая деревянная матрёшка, внутри у неё оказалась “Столичная”: наверное, дружеский подарок хозяину квартиры.

— Вот это как раз то, что надо! — провозгласил Толик и отправился на кухню, держа её за горлышко.

Оглянувшись на иконы, приостановился, виновато пояснил:

— Я немного... с устатку.

Рюмки не нашёл, налил в чайную чашку, выпил. А закусывал маринованными огурчиками из стеклянной пол-литровой банки. Теперь ему стало хорошо, от усталости не осталось и следа. Он развеселился, потанцевал в кухне, жуя огурчик, вышел в ту комнату, где был телефон, набрал номер наугад — никто ему не ответил. Набрал другой, потом третий... Наконец, отозвалась женщина.

— Простите, у вас горячая вода есть? — осведомился Толик.

— Есть, — благожелательно отвечала она.

— Мойте ножки и ложитесь спать, — посоветовал он ей и положил трубку.

Набрал ещё номерок — ответил мужчина грозным басом.

— Проверочка телефона, — вежливо сообщил ему Толик. — Постучите, пожалуйста, трубочкой по голове.

— По твоей? — мрачно спросил этот мужик.

— По своей, по своей.

Позвонил в “скорую помощь”:

— Бабу надо!

— Какую? — недоумённо спросили у него.

— Любую! Срочно!

Однако поспешно положил трубку: могут вычислить через телефонную станцию. Вернулся в кухню, налил ещё водки, выпил залпом, закусил, опять потанцевал и так, танцуя, вышел в детскую комнату, остановился перед стеной, залепленной картинками поверх обоев.

Чего тут только не уместилось! На лугу девки в цветастых сарафанах водили хоровод... монах звонил в колокола... гусары в пороховом дыму скакали по Бородинскому полю... молодые пары кружились в бальном танце... Лев Толстой за семейным столом речь держал — кадр из фильма... княгиня Волконская с младенцем соседствовала с поэтом Сергеем Есениным... девочка кормила с берега какого-то водоёма домашних уток и белых лебедей, на неё с интересом смотрела собака, а неподалёку паслось стадо коров, и пастух тоже смотрел в сторону девочки с лебедями...

Всё на стене шевелилось, птички пели, люди смеялись тут и там, ветерок рябил воду в речке...

Сон необоримо овладел Толиком Востриковым. Он разобрал постель и расположился на супружеском ложе Князевых... по-княжески. Однако уснуть не мог: слишком мягко — не вокзальное сиденье — и пахнет какими-то духами, а одеяло невесомое, небось, пуховое...

Он всгнал, перешёл на диван, улёгся и тотчас уснул.

А проснулся глубокой ночью и не сразу смог понять, где он и что с ним. По потолку беззвучно двигалось из стороны в сторону пятно света — от уличного фонаря, который раскачивал ветер.

“Так я же в чужой квартире... с удобствами! Мне ж счастливый случай выпал!”

Лёжа на диване под лёгким одеялом, Толик всем существом своим ощущал, как ему уютно здесь, как славно. Квартира словно бы признала его хозяином, приняла в своё охранительное лоно. Да, она так же хлила и лелеяла его, как и прежних хозяев, — вот что удивительно!

С хорошим чувством в душе Толик опять уснул, но не глубоко — нелепые сны чередой сменяли друг друга; то были лёгкие и красочные, можно сказать, весёлые сны: он звонил в колокола... лебедей кормил с руки... встретил стадо коров, при котором пастухом был монах с крестом вместо кнута... зачем-то воду черпал из колодца... а в колодце почему-то пели птички... Глупые, но очень радостные сны.

Утром он прежде всего отправился в ванну — принять душ, как это делают нормальные, благополучные люди. Потом приготовил яичницу-глазунью, заварил хорошего чаю... Позавтракав и испытывая чувство благодарности к этому жилью, приютившему его так великодушно, так славно, он вымыл посуду, говоря себе:

— Соблюдаем чистоту и порядок! Я тоже кое-чего стою!

А почему вдруг возникло это суждение о собственной значимости, неведомо.

Ему хотелось двигаться, руки-ноги просили дела! К тому же он был воодушевлён, то есть и душа, и тело его жаждали созидательного действия!

“Что я могу тут сделать? Какую пользу принести?”.

Он отыскал пылесос... но вместо того, чтоб заняться уборкой, вспомнил про иконы, снял с полки старую.

Она была составлена из двух досок, скрепленных с обратной стороны поперечными планками. Изначально эти доски, конечно же, плотно прилегали одна к другой, но со временем усохли, вертикальная трещина разорвала изображение на две неравные части. Кое-где краска пооблупилась, обнажая ясно сияющую желтизну.

— Золото, — предположил Толик. — Настоящее! Тут обмана быть не может.

По углам иконы разместились святые евангелисты: Матфей, Лука, Иоанн и Марк, а в самой середине — квадратик покрупнее прочих с изображением Вознесения Христова. Не менее двух десятков людей объединены здесь главным событием: земной человек — Сын Божий — на их глазах вознесился к Богу... Это срединное событие как бы притягивало к себе другие иконки, поменьше, размером со спичечный коробок: “Тайная Вечеря”, “Несение Креста”, “Распятие Господа нашего Иисуса Христа”, “Снятие со Креста”, “Положение во гроб” — таких квадратиков было двенадцать. Все вместе они составляли большой квадрат, вокруг которого расположились ещё шестнадцать с изображением Благовещения, Рождества, Крещения, Троицы... Толик пересчитал все иконки — их оказалось двадцать девять, да ещё четыре угловых, с евангелистами.

“А мне двадцать девять лет, — осенило Толика. — И хозяева уехали, небось, как раз на такое же количество дней. Совпадение! И уж не зря... Так велено им... так велено и мне”.

На маленьких иконочках краска кое-где тоже облупилась, и видно стало, что некоторые силуэты изображенных тут людей из библейских времён просто прочерчены или отштампованы, а уж по ним расписаны чистыми красками.

— Ценная вещь, — вслух соображал Толик. — Если в долларах, то не меньше тысячи. А может, больше?

Он размышлял сам с собою: “Если продать, то кому? И где? Идти на рынок? Или на вокзал: не нужна ли, мол, кому древняя икона... Нет, это делается как-то не так... Надо везти в Москву, в антикварный магазин... я видел такие на Старом Арбате... Но там спросят: откуда взял? Кто таков? Документы!”.

Паспорт у него был, но стоило ли его показывать кому-то? Не надо светиться с паспортом лишний раз, и вообще теперь ему следует быть осмотрительным, осторожным.

“В Москве барыги всех сортов пасутся... Отведут в закоулок...”.

Думая так, Толик поймал на себе взоры тех восьми святых, которых рассматривал накануне. В них было выражение такой отрешенности от мирской суеты и жалости к нему, занятому суетными, грешными мыслями, что он опять смутился. А смутясь, почтительно вернул старую икону на прежнее место и сел на диван.

“Мне вышло двадцать девять праздников, счастливых дней. Вчера было *благовещение*, а сегодня я *родился*... Так продолжим праздничные дни! — решил он и вздохнул: — А в конце срока меня поймают и распнут... если, конечно, я вовремя не улизну отсюда”.

При таком течении мыслей — ишь, с кем и с чем себя сопоставил! — он виновато посмотрел на иконы: мол, простите меня, дурака, не велите казнить. Он не то чтобы испугался, но опасение было: не прогневать бы этих взыскательных особ. Они уже обрели над ним власть.

Чтоб задобрить их, принялся пылесосить ковёр. Долго, старательно трудился, а закончив с этим делом, опять вернулся к иконам, постоял перед ни-

ми: очень они его занимали, особенно старая, растрескавшаяся, на которой тут и там проглядывало золото. К тому же хотелось хоть немного разобраться в этих “праздниках”, в чём их содержание и смысл — “Воздвижение”, “Крещение”, “Тайная Вечера”...

Он и прежде видел на полке толстую Библию, а рядом стояла книжка поменьше форматом, и на корешке её было чётко обозначено: “Новый Завет”.

“А что означает слово “завет”? — кажется, впервые в жизни озадачился Толик таким вопросом. — Говорят: заветная мечта, заветная цель... То есть самая главная, самая дорогая, задушевная. А что это для меня, любителя халявы? Забраться в чужую квартиру и попользоваться чужим добром?”.

Тут он как бы споткнулся в своём исследовании и стал оправдываться, сам не понимая, перед кем:

“Но я же никогда о том не думал и планов таких не строил! Случайно получилось! Тут нет моей вины! Явная подстава...”.

Раскрыл он малую книжку и прочёл: “Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие”. Тут из книжки с тишайшим шелестом выпали три денежные купюры, каждая по тысяче рублей.

— Эва как! — сказал он вслух.

Небось, хозяева отложили эти деньги на какое-то богоугодное дело — молебен отслужить в память о ком-то или на построение храма. А он забрёт себе — хорошо ли это? Не прогневаются ли на него эти святые? Накажут ещё, пожалуй, каким-нибудь несчастьем...

— А разве помочь мне, бездомному, неимущему, не богоугодное дело? — спросил Толик у кого-то.

Ответа не последовало, и деньги он убрал к себе в карман.

В детской комнате он остановился перед стеной, залепленной картинками, и теперь уже надолго задержался перед нею. Подвинул стул и уселся напротив, продолжая её разглядывать. Тут было на что посмотреть.

Под потолком небо с облаками и озеро... на дальнем его берегу возвышался белый величественный собор... уж не новгородская ли София? В Великом Новгороде Толик был, потому помнил её. И Золотые ворота во Владимире видел — вот они, поместились под берёзовой рощей. Храмы большие и маленькие воздвигнуты были в разных местах стены — Троице-Сергиева лавра... московский Новодевичий монастырь... церковь в селе Городня-на-Волге... А храмов Покрова-на-Нерли было даже два — один вознёсся к потолку, другой опустился к полу, открывая даль и там.

Под озером с вознесённым к небу-потолку собором росли две раскидистые, кудрявые сосны — как супружеская пара в тесном единении. Чуть в стороне — стадо коров, за ним столпились деревья, показавшиеся Толику знакомыми.

“Очень похоже на наше деревенское кладбище... Но пастух не наш, незнакомый”.

Прямо перед ним замерли четыре барашка, белые, словно только что отмытые в ванне; два из них уставились на него, а другие щипали травку. Вид у барашков был глупый, отчего Толик невольно улыбнулся.

Отдельно от них паслось десятка полтора породистых овец в богатых шубах, а среди них то ли стояла, то ли сидела круглолицая девочка — это была дочка хозяев квартиры. Её фотографию вклеили так аккуратно, словно девочка и впрямь находилась среди живых овец.

Чего только не уместилось на этой пёстрой стене! И гроздья яблок, и парень с гармошкой, и картина Саврасова “Грачи прилетели”, и гнездышко с птенчиками, и двое деревенских стариков, убирающих в огороде картошку, и лица красивых улыбающихся девушек, и крещение младенца в купели, и рысистая лошадка с лёгкими санками, и деревенька в сутробах, и “Последний день Помпеи” Брюллова, и рисунки Нади Рушевой из пушкинского цикла... Всё это разбежалось по стене без какого-либо общего замысла или сюжета, не угадывалось никакой логики в подборе и размещении картинок, но каждая стояла того, чтоб полюбоваться ею, а вместе они производили радостное, бодрое впечатление.

На глаза Толику попался альбом с фотографиями: семейство Князевых, три его поколения. Самый старший — военный, подполковник, рядом с ним жена, статная красивая женщина, и мальчик — это, конечно же, их сынок, то есть будущий Валентин Аркадьевич. Вот он уже школьник — видно, что примерный ученик... Вот он в армии — десантник! Ничего, крепкий парень... Вот пухлощёкая девушка в свадебном наряде — это жена храброго десантника, уже демобилизованного. И дочка их — сначала в младенчестве, потом постарше, вот учится ходить... Вот семья Князевых у туристической палатки на берегу реки играет в волейбол... Вот они за праздничным столом со множеством гостей — все такие весёлые, смеются...

Толик пролистал альбом, хмурясь: он позавидовал хозяину, а потому больше его не открывал.

Телефон несколько раз беспокоил его: вдруг оживал и начинал трезвонить, иногда очень настойчиво, и Толик замирал. Он ожидал, что после телефонного последует однажды и звонок в дверь, но этого не случилось.

“Ха! А если явится кто-то, вроде меня? — однажды подумалось ему. — Ототрёт дверь и войдёт... а тут я...”

Он живо представил себе, как поздно ночью слышится подозрительный шорох за дверью; кто-то вставляет ключ в замочную скважину, а он, Толик, подкрадывается и смотрит в дверной глазок: на лестничной площадке темно, чья-то фигура... Вот дверь открывается, “хозяин” включает яркий свет в прихожей, конкурент — топ-топ-топ — убегает по лестнице вниз.

А если не убегает? Будет криминальная разборка: “А ты кто такой?” — “А ты кто такой?”. Потом решали бы, как разделить добычу из этой квартиры... Так, что ли?

Но конкурент не появился. Тихо, мирно было и днём, и ночью.

Постепенно выяснилось, что во всех углах квартира эта наполнена всяческим добром: в шкафу женская шуба норковая, куртка мужская меховая, пиджак кожаный, а наверху аккуратно упаковано несколько шапок меховых... по иным местам расставлены свитера мужские и кофты женские разных фасонов... В нише тумбочки под телевизором — аппарат под названием рекордер, чтобы фильмы просматривать. В углу под книжными полками — музыкальный центр и набор дисков к нему: в основном, классическая музыка и старинные русские романсы. Шкатулка с бижутерией на столике перед зеркалом-трюмо.

— Ишь, сколько всякого барахла! — вслух дивился Толик. — Таскать — не перетаскать.

В кухню зайдёшь — мясорубка, кофемолка, соковыжималка... Более всего Толику понравилась недавно купленная и ещё не бывшая в употреблении кастрюля с крышкой из толстого стекла, с ручками — она просто очаровала его своей формой и сиянием. Толик полюбовался ею и ещё раз повторил:

— Таскать — не перетаскать...

Но куда таскать? И что именно взять с собой, а что оставить? Где спрятать?

— А я бы всё взял! — сказал себе Толик, оглядываясь. — По бедности моей мне всё пригодится.

Но опять-таки где “пригодится”, если у него нет жилья? Даже на хранение негде оставить.

“Прихватить бы вместе с этой квартиркой... изъять её вертолётom из этого дома и... куда-нибудь... в лес, на берег речки”, — размышлял он.

Была у него и такая мысль, показавшаяся сначала разумной: вывесить объявление по городу о том, что продаётся, мол, срочно весь домашний обиход по дешёвой цене... Набегут покупатели, вот и распродать бы всё да и улизнуть налегке в толстой пачкой денег. Но едва только вспоминал, что придётся “улизнуть” отсюда, сразу портилось настроение.

“А с собой всего не возьмёшь”.

Его прямо-таки восхищало то, что в чём ни появишься нужда — всё под рукой, всё наготове. Вот ящичек металлический, в нём по секциям разложе-

ны и гвоздики, и винтики, и шурупчики, и отвёртки, и плоскогубцы — коли надо что-то подремонтировать в квартире, всё под рукой, любой инструмент... перегорела лампочка в люстре — в запасе есть такая же; поранил палец — вот он, пузырёк с йодом, и бинт...

Можно было не выходить на улицу и день, и два, и целую неделю жить-поживать — валяться на диване, смотреть телевизор, что-нибудь читать. Но не хватало главного — хлеба. Без хлеба — что за жизнь, а тем более — что за праздник!

И он решился... Добыл из шкафа костюм, недавно выглаженную рубашку, долго мучился, повязывая галстук, но справился, наконец.

“Я только с виду дурак, а вообще-то я умный, — не без горделивости подумал он, поворачиваясь перед зеркалом и так, и этак. — Мне просто не везло в жизни, как другим. Им-то везёт ни за что, ни про что — в этом всё дело... Взлетают, как самолётики с подготовленного аэродрома... Папы-мамы у них, дачи за городом... А у меня ничего. Вот только теперь немного подфартило”.

Некоторое время постоял перед дверью, прислушиваясь. Посмотрел в дверной глазок — на лестничной площадке никого. Быстро отпер дверь и тихо выскользнул из квартиры. Вышел на улицу и шагал, независимо поглядывая по сторонам, совсем не опасаясь, что кто-то его остановит, спросит: а почему ты в чужом костюме? Разве он похож на вора? Хорошо одетый молодой человек, в новеньких туфлях, в свежей рубашке и при галстуке... Встречные девушки поглядывали на него с интересом.

А возвращался из магазина, закупив того и сего, со страхом: вдруг сломался дверной замок по какой-то причине, и не сможет отпереть его! Не слишком ли рисковал, покидая тёплое, уютное гнездышко! Можно было обойтись и без хлеба — не велик барин! Макароны есть, и даже мука — пеки блины и живи-поживай. Но вот захотелось пройтись нарядным. Прошёлся, получил удовольствие... Что ж, на городской улице он выглядел вполне достойным гражданином, но возле дома что-то заставило его пригнуть голову. Шёл, воровато оглядываясь по сторонам.

Надо было так угодить в лифт, чтоб никто не вошёл вместе с ним в кабинку. Потом быстро — к двери, отпереть и неслышно прошмыгнуть. И это ему удалось! Он постоял в прихожей, унимая волнение, потом переоделся в домашнее, аккуратно повесил на плечики костюм и постепенно успокоился. Оглянулся на полку, где стояли иконы — ему показалось, что лики святых смотрят на него вполне благосклонно.

“Я ведь ничего не испортил тут, ничего не украл! — утешал он себя, словно оправдываясь перед святыми. — Соблюдал чистоту и порядок, даже цветочки на подоконнике поливал и рыбок в аквариуме кормил...”

И ещё одна мысль утешала:

“Разве не могло быть такое: хозяйева оставили в собственной квартире своего друга на время, пока сами путешествуют на юг? Да, я не друг им, но ведь и не злодей какой-нибудь! Другой на моём месте всё испакостил бы, всё сломал... растащил и попрятал по углам...”

Утешаясь таким образом, он уже уверенной рукой достал с полки Библию и расположился на диване — читать. Открыл в самой середине — и угодил в “Премудрости Соломона”:

“Подлинно суетны по природе люди, у которых не было ведения о Боге...”

“Это про меня”, — вздохнул Толик и глубоко задумался.

Он задумывался и в следующие дни. Однажды размышления его были прерваны какими-то странными звуками, которые доносились из кухни: что-то стукнуло и послышался вроде бы плеск воды. Он пошёл туда и ахнул: под посудомоечной раковиной один из гибких, оплетённых блестящей проволокой шлангов оторвался, и кипяток хлестал на пол — по всей кухне растекалась лужа. Ступая по горячей воде, обжигаясь, приплясывая, Толик сумел дотянуться до крана и перекрыть его.

“Сейчас нижние соседи прибегут, будут стучать в дверь... вызовут бригаду спасателей...”.

Никогда он так поспешно, так проворно не работал. Покидал в лужу кухонные полотенца, выхватил из-под ванны таз, лихорадочно собирал в него горячую воду. Наконец почти насухо вытер пол и сел, тяжело дыша, на стул, некоторое время сидел, прислушиваясь к соседям. Судя по звукам, долетавшим через вентиляционную отдушину, переполох внизу не начался. Толик облегчённо перевёл дух, покрутил головой:

“Случись такое ночью или когда я ушёл в магазин, — залило бы кипятком всю квартиру, и нижних соседей до самого первого этажа... и всё, кончились бы мои праздники. Погоди-ка, а если бы я не забрался в эту квартиру, что было бы? Потоп! Беда не только для хозяев, уехавших на юг, а и для всех, живущих ниже, до самого первого этажа”.

Он ещё поразмышлял и сделал главный вывод:

“Так получается, что я не преступление совершил, забравшись сюда, а спас хозяев от большой беды. Премия мне полагается. Бутылка пиратского рому! Или французского коньяка ...Курвуазье”.

Он осмотрел оторвавшийся шланг — так и есть: верхняя гайка, что под самой раковиной, не выдержала напора горячей воды, сорвана резьба.

“Этот десантник привинтил кое-как... У него высшее образование, но нет среднего соображения”.

Стараясь не попадаться на глаза соседям, Толик сходил в хозяйственный магазин, купил новый шланг, привинтил его накрепко. Но пережитый страх давал о себе знать. Когда ложился спать, когда уже засыпал, вдруг слышалось ему: опять хлещет вода. Вскakiвал, бежал на кухню — нет, почудилось, всё в порядке.

День шёл за днём. Толик почитывал понемногу Евангелие да Библию, но это было слишком серьёзное чтение для его ума, на каждой фразе он оттаивался: как её понимать?

Почему Сын Божий явился именно в Палестине, а не в Греции или в Италии? Почему не в Индии или в Китае? А мог бы и у нас, на Руси...

Почему именно эта девушка по имени Мария в городе Вифлееме, а не в каком-то ином, была избрана Богом Матерью Его Сыну?

Кто такие волхвы, пришедшие с востока, и почему им такая вера, что царь Ирод, слушая их, встревожился настолько, что и решил подстраховаться: приказал умертвить всех младенцев в Вифлееме? Мало ли что наговорят старички!

— Это debil какой-то, а не царь, — решил Толик. — Садист. Наверно, от его имени — Ирод — произошло слово “урод”.

А при чтении Библии вопросов было ещё больше... Толик тяжело вздыхал.

На той же полке стояла книга, которая привлекала Толика разве что своим внешним видом. К имени автора прилагалось духовное звание — архимандрит Тихон. На обложке в потоке света, льющемся с небес, была изображена фигура человека в монашеском облачении, а вокруг — дивный лес, должно быть, райский. Поначалу Толик решил, что это “Жития святых” или что-то вроде того.

Он и раз, и два брал эту книгу в руки, но возвращал на полку, не читая. А однажды раскрыл, полистал — его удивили портреты старцев и виды монастырей почти на каждой странице, а более всего — лица молодых монахов. Они были его ровесниками, лет им было около тридцати, и такие хорошие лица, такие просветлённые, осмысленные, вовсе не унылые, а даже весёлые. Толик долго разглядывал их, странным образом проникаясь доверием к ним.

В предисловии автор чистосердечно признавался, что прежде считал: в монахи идут *“либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди... и ещё жертвы неразделённой любви”*.

— Так оно и есть, — согласился Толик.

Но на следующей странице автор книги, кстати сказать, тоже молодой человек, написал:

“...каждому из нас открылся прекрасный, не сравнимый ни с чем мир. И этот мир оказался безмерно притягательнее, нежели тот, в котором мы к тому времени прожили свои недолгие и тоже по-своему очень счастливые годы”.

А далее — о “прекрасном мире”, который “бесконечно светел, полон любви и радостных открытий, надежды и счастья, испытаний, побед и обретения смысла поражений, а самое главное — о могущественных явлениях силы и помощи Божией...”.

Это совершенно озадачило Толика и в очередной раз повергло в глубокое раздумье.

Иногда он заходил в детскую комнату, садился на стул перед стеной, залепленной картинками, и просиживал долго. Тут тоже был лучезарный, многокрасочный мир, такой для него понятный: вот луговое разнотравье... вот лоно речного залива... вот смеющиеся, счастливые люди... Ему было хорошо с ними.

Не выходя из квартиры, он перемещался из одного мира в другой и уже почувствовал, как что-то изменилось в душе его. Он уже не строил планов, как в конце череды праздничных дней унесёт отсюда иконы, ноутбук и кое-что из вещей: хотя бы свитер домашней вязки — роскошный свитер!.. а ещё меховую шапку да кожаный пиджак — о таком Толик прежде мог только мечтать... Но уж совсем невысказанно было представить, как он станет продавать что-то из унесённого отсюда, сколько денег выручит...

Он так вжился в эту квартиру, что она стала казаться ему своей. И даже странно было думать, что вот вернётся из поездки к тёплому морю благополучное семейство и вступит в свои права. А что будет с ним, с Толиком Востриковым? Его изгонят, как изгнал Господь из рая согрешившего Адама — из мира духовного, светлого и радостного, в мир плотский, земной, исполненный грехов и всяческой скверны.

А уже двадцатый день миновал... и двадцать первый... Всё это были не просто дни, а именно его, Толика Вострикова, праздники, от которых он никак не мог отказаться и прервать их череду. Однако же всё чаще его охватывало беспокойство.

— Ладно, завтра уйду, — говорил он себе. — Вот выплось хорошенько и уйду.

Но он не уходил. Ему жилось тут так хорошо, что не было сил покинуть неожиданно-негаданно обретённый дом.

“Я сюда угодил как, как мышь в крупу”, — говорил он сам себе.

Он со дня на день оттягивал прощание с обжитой им квартирой и строил разные планы, один другого благороднее. Один из планов — перед уходом написать письмо, примерно такое:

“Уважаемые хозяева, Валентин Аркадьевич... я прожил у вас в квартире почти месяц — это было самое счастливое время в моей жизни, потому очень вам благодарен... Признаю, что задолжал вот такую-то сумму и обязательно верну долг!.. А если пожелаете найти меня через милицию-полицию, то вот моё имя... Готов понести и уголовное наказание...”.

Он оставит это чистосердечное признание на самом видном месте. Князевы прочитают и поступят, как сочтут нужным, — это их право.

“Да, — говорил себе Толик, — так и сделаю. Я всё-таки не вор, а честный человек”.

Ему хотелось даже сходить в фотоателье, сделать свой цветной портрет и поместить его на той стене, где был такой счастливый мир картинок...

Но он не успел ни написать письмо, ни сходить в фотоателье. Именно в тот день, когда намеревался это сделать, после чего покинуть гостеприимную квартиру, вдруг стукнули в дверь, послышались голоса, хрустнул замок... и вошли хозяева. Толик услышал из прихожей мужской и женский голоса, хозяйская рука откинула занавеску, разделявшую прихожую и жилую комнату, и вошёл... этот самый Валентин Аркадьевич. Он упёрся взглядом в сидящего на диване Толика и остолбенел.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Ты кто такой? — спросил хозяин.

Толик в растерянности ничего не смог ответить.

— Ты зачем тут? — спрашивал приехавший хозяин.

Из-за его спины выглянула жена, и глаза её округлились. А Толик не мог произнести ни слова.

— Я квартирный вор, — наконец, молвил он и заторопился сказать главное. — Но я у вас ничего не украл! Только съел кое-что: тушёнку... кашу варил... макароны по-флотски...

— Так, — сказала хозяйка твёрдым голосом. — Придержи его, Валентин, я позвоню.

— Да погоди ты, — хотел остановить её муж.

Но она уже набрала номер телефона:

— Это полиция? Мы поймали вора... у себя в квартире. Срочно приезжайте. Запишите адрес...

Муж опять хотел остановить её.

— Нет-нет, — в свою очередь придержал его Толик. — Она правильно делает. Меня надо сдать в милицию... то есть в полицию. Я это заслужил.

— Сейчас приедете, да? — между тем говорила хозяйка. — Приезжайте скорей, а то он убежит.

— Нет-нет, я не убегу, — заверил Толик. — Я понимаю, за всё надо платить в этой жизни.

— Философ, — хмыкнул хозяин.

— За проникновение в чужую квартиру — статья в Уголовном кодексе. Я знаю, знаю.

— Да и я это знаю, — сказал Валентин Аркадьевич.

— Но я ничего у вас не взял, только еду... из холодильника... Да! И ещё три тысячи... в Евангелии лежали... тоже взял и за месяц потратил... на хлеб. Без хлеба жить трудно... Понимаете?

— Он жил тут долго! — ужаснулась хозяйка.

А её муж старательно напрягал морщины на лбу, соображая, как всё это надо понимать и что предпринять.

— Я прожил тут у вас самый счастливый месяц в своей жизни! — признался Толик и по-детски улыбнулся. — У вас очень удобная квартира. Я смотрел телевизор, читал книги... вот архимандрита Тихона... “Евгения Онегина” и “Войну и мир” — это я со школы помню, но тут прочитал словно новыми глазами. А Евангелие и Библию я прежде и в руках не держал.

Пока он говорил так, хозяйка осматривалась вокруг, заглянула в шкапу, тихо сказала мужу:

— Всё на месте... даже золотые серьги мои...

— Я бутылку рому из вашего бара выпил, — признался Толик. — Я раньше рома никогда не пробовал. Ничего, понравился... хороший ром. У вас тут всё замечательно!

И повторил:

— Мне выпал самый счастливый месяц в жизни. Я так и в полиции скажу.

У него был вовсе не виноватый вид. Напротив, Толик даже улыбался простодушно.

— Дурак и идиот, — сказал, вздохнув, Валентин Аркадьевич.

— Я тут — как в доме отдыха!.. У вас хорошая квартирка. Уютная очень.

В дверь позвонили.

— Сиди, — приказал хозяин гостю. — Это ребята из полиции. С наручниками для тебя.

Он вышел в прихожую и, слышно было, говорил:

— Извините, мы разобрались. Думали, вор... а это дальний родственник наш... Никогда его не видели, а тут свалился, как снег на голову... Спасибо, что приехали так быстро, но... Нет-нет, мы сами. Всего доброго!

Он вернулся, открыл шкафчик-бар, спросил у Толика.

— Что будем пить, сэр? Виски, коньяк, джин?

Толик в растерянности молчал.

— Ну, что же... пройдем на кухню, выпьем по маленькой... за знакомство.

Вышли, сели за стол. Хозяйка с недовольным видом порезала им колбасы.

— Посиди с нами, — сказал ей муж, откупоривая бутылку с заморским вином.

— Ещё чего! — отозвалась она и ушла.

— Жена у меня строгая, — сказал хозяин гостю.

— У меня строже, — сообщил Толик. — Была... Теперь нету.

— Надеюсь, не умерла?

— Нет. Просто не сошлись характерами. Пришлось удалиться...

Слышно было, как дочка их прибежала с улицы, разговаривала с матерью в прихожей. Мать её выпроводила и встала в дверях кухни, глядя насмешливо на сидевших за столом мужиков. К этому времени Толик уже рассказал Валентину Аркадьевичу о себе всё: и как оказался в их городе, и как проник в квартиру.

— Насколько я понял, это человек с потерпевшего крушение семейного корабля, — сообщил Валентин Аркадьевич жене.

Та ничего не ответила, стояла и смотрела на них молча. Кажется, она хотела лишь одного: чтоб гость поскорее ушёл. А муж её вслух рассуждал:

— Судя по тому, что не выпил всё из моих запасов, он не алкаш. Ничего не украл — значит, не вор. Квартиру содержал в чистоте — это тоже ему плюс.

— У меня тут ЧП случилось, — вспомнил Толик.

— Какое?

— Шланг вот тут, под раковиной прорвало, кипяток хлестал. Я в передней комнате сидел... вовремя спохватился... тут, в кухне, большая лужа была.

Хозяева переглянулись.

— И что? — насторожился хозяин.

— Я кран завинтил. Шланг осмотрел — на нём гайку сорвало. Сходил в хозяйственный магазин, купил новый шланг, заменил. Теперь всё в порядке, можете не беспокоиться.

— Соседи нижние не жаловались?

— Нет, не приходили.

— Твоя подруга — помнишь? — залила три этажа, — Валентин Аркадьевич выразительно посмотрел на жену. — Это удовольствие обошлось ей...

— До сих пор выплачивает, — тихо сказала ему жена.

Хозяин с гостем выпили по рюмке.

— Ну, и что ты теперь дальше намерен делать? — спросил хозяин.

— Не знаю, — отвечал гость.

— Будет искать ещё одну пустую квартиру, — подсказала хозяйка. — Такую же, как наша...

— Да ладно тебе! — одёрнул её муж.

Он внимательно посмотрел на Толика, спросил:

— В армии служил?

— В железнодорожных войсках.

— Значит, топор и гаечный ключ в руках держать умеешь.

Достал из кармана телефон, набрал номер:

— Алексей! Это я, Валентин... Привет, привет... Давно не виделись. Заехал бы, а?... Работы много... А чем занимаешься? Ещё один терем-теремок для ещё одного олигарха... Слушай, у меня тут знакомый... работу ищет... Красивенный, здоровенный, знаком с сантехникой... Возьми его в свою бригаду, а? Зарплату выдаёшь вовремя или как? А сколько? Пятнадцать... Слушай, он подъедет к тебе сегодня. Ручаюсь, парень неплохой... Вот и ладно... А к нам когда наведаешься? Недельки через две? Хорошо, будем ждать.

Спрятал телефон, обратился к жене:

— Принеси мне листок бумаги.

Та принесла.

— Вот я записываю адрес... Это отсюда три станции на электричке... Там будет деревня на реке... Записываю... Друга моего зовут Алексей Викторович. У него не одна бригада, а несколько, он строитель. Поработаешь, осмотришься, войдёшь в курс... А там, глядишь, и разбогатеешь!

— Спасибо, — прочувствованно сказал Толик, всё ещё не веря, что его отпускают, что всё принимает такой благополучный для него оборот. — Я потом вам верну всё, что тут... взял.

— Ну, что ты! Забудь. Кто из нас кому должен, ещё разобраться надо. С этим и жена его согласилась.

— Мы тебя сейчас экипируем и — в добрый путь.

— Да не надо... экипировать-то, — засмутился Толик.

— По одежке встречают, — напомнили ему.

И они его одели-обули.

— Мы с тобой почти одной комплекции, — приговаривал хозяин.

Квартирного вора проводили до двери, хозяин пожал квартирному вору руку, попрощались почти сердечно...

Но если честно, то у этой истории был другой конец. Только мне не хочется о том писать.

Поздравляем нашего автора, самобытного прозаика Юрия Красавина с 75-летием! Здоровья Вам, Юрий Васильевич, новых светлых книг и добрых читателей.

Редакция